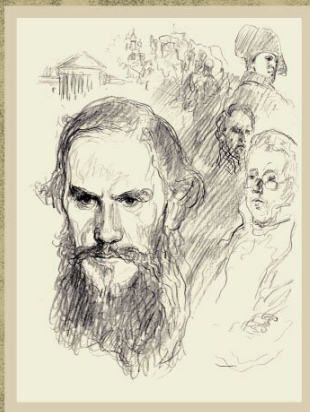

Наталья Долинина

По страницам
«ВОЙНЫ И МИРА»

Наталья Григорьевна Долинина
По страницам «Войны и
мира». Заметки о романе Л.
Н. Толстого «Война и мир»
Серия «Великая Россия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68624689

По страницам «Войны и мира». Заметки о романе Л. Н. Толстого

«Война и мир»: ГРИФ; СПб.; 2019

ISBN 978-5-85388-110-5

Аннотация

Книга Н. Долиной «По страницам „Войны и мира“» продолжает ряд работ того же автора «Прочитаем „Онегина“ вместе», «Печорин и наше время», «Предисловие к Достоевскому», написанных в манере размышления вместе с читателем. Эпопея Толстого и сегодня для нас книга не только об исторических событиях прошлого. Роман великого писателя остро современен, с его страниц встают проблемы мужества, честности, патриотизма, любви, верности – вопросы, которые каждый решает для себя точно так же, как и двести лет назад. Об этих нравственных проблемах, о том, как мы разрешаем их сегодня, идёт речь в книге «По страницам „Войны и мира“».

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

I	6
1. Первые страницы	7
2. Князь и княгиня	13
3. Мсье Пьер	20
4. От поручика до императора	27
5. Два юноши	35
6. Две девушки	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Наталья Григорьевна
Долинина**

**По страницам «Войны и
мира». Заметки о романе Л.
Н. Толстого «Война и мир»**

© Н. Г. Долинина, наследники, текст, 2016

© С. В. Алексеев, оформление, 2016

I

– Навсегда? – сказала девочка. – До самой смерти? – И, взяв его под руку, она с счастливым лицом тихо пошла с ним рядом в диванную.

1. Первые страницы

В «Анне Карениной» увлекательное начинается сразу, с первых строк:

«Все счастливые семьи похожи друг на друга. Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Всё смешалось в доме Облонских».

Мы погружаемся в чужую сложную жизнь, едва успев открыть книгу. Мы сочувствуем и бедной Долли, и её растерявшемуся грешному мужу; мы ждём главной героини – той, чьим именем названа книга, и она появляется, сияя победным очарованием; мы влюбляемся в неё вместе с Вронским, уже не в силах оторваться от книги, движимые самым естественным из читательских вопросов: что будет дальше?

К «Войне и миру» надо пробиться через непонятность первых фраз и страниц, может быть, даже глав.

Почему я должна интересоваться тем, что сказала (да ещё по-французски!) какая-то *известная* (ко му она известна?) Анна Павловна Шерер, «встречая важного и чиновного князя Василия» в июле 1805 года?! Какое мне сегодня дело до Генуи и Лукки, превращённых Наполеоном в свои «поместья»?! Нисколько мне не нужны и только зевоту вызывают все эти виконты и аббаты, собравшиеся у фрейлины Шерер (кто такая фрейлина, я не знаю и знать не хочу).

Так или примерно так рассуждают почти все молодые лю-

ди, начинающие читать «Войну и мир». Так думала когда-то и я, продираясь сквозь непонятный мне разговор двух немолдых светских людей.

Но что-то застряло в моём мозгу, пока я раздражённо читала первую страницу, – может быть, именно слово «известная» в применении к Анне Павловне Шерер или то, что князь Василий вошёл в гостиную «с светлым выражением плоского лица».

Что значит – плоское лицо? Круглое, как блин? Или – с невыразительными чертами, маленьким носом, стёртое, незначительное? Или слово «плоское» определяет вовсе не форму лица, а его выражение – говорят же: плоская шутка, плоская острота. Но почему тогда это выражение светлое?

Французский текст разговоров остался пока за пределами моего сознания, а вот в русском возникло что-то, не позволяющее отложить книгу. Может быть, светлое – то выражение, какое князь Василий хотел придать своему лицу, а плоское – то, которое сохранялось на лице против воли князя Василия?

Естественный читательский вопрос: что будет даль ше? – возник у меня с первой же страницы, но не в обычном своём смысле: что случится с героями, а в другом – чем ещё, каким словом, жестом, деталью остановит меня Толстой и, не позволяя читать дальше, прикажет задуматься...

Толстой, как и Пушкин, у каждого свой. И не один – он меняется с годами, он разный у одного и того же челове-

ка в молодости и позже, он меняется несколько раз за вашу жизнь, как меняемся мы сами.

Мой Толстой недобрый, но всезнающий, как бог. Он может заблуждаться в своих идеях, и эти идеи бывают чужды и непонятны мне; но никогда он не ошибается в понимании души человеческой; хитрыми маленькими глазками он видит людей насквозь; его сильные крестьянские руки быстро раскладывают на столе пасьянс, и домашние знают: что-то не ладится в работе, раз он долго сидит за картами, а он в это время слышит пронзительный крик старого князя Болконского, видит то быстрое движение, которым Наташа стала на колени у постели раненого Андрея, чувствует безумный стыд Пьера: зачем, зачем он сказал Элен три французских слова: «Je vous aime...»

В первых главах Толстой, казалось бы, спокойно и неторопливо описывает светский вечер, не имеющий прямого отношения ко всему, что будет дальше. Но здесь – незаметно для нас – завязываются все нити. Здесь Пьер впервые «почти испуганными, восторженными глазами» смотрит на красавицу Элен; здесь решают женить Анатоля на княжне Марье; сюда приезжает Анна Михайловна Друбецкая, чтобы пристроить своего сына на тёплое местечко в гвардии; здесь Пьер делает одну неучтивость за другой и, уходя, собирается надеть, вместо своей шляпы, треуголку генерала... Здесь становится ясно, что князь Андрей не любит свою жену и не знал ещё настоящей любви, – она может прийти к нему в

свой час; много позже, когда он найдёт и оценит Наташу, «с её удивлением, радостью, и робостью, и даже ошибками во французском языке», – Наташу, на которой не было светского отпечатка, – когда нам вспомнится вечер у Шерер и жена Андрея, маленькая княгиня, с её неестественной прелестью.

Все нити будущего романа завязываются здесь, на вечере у Шерер. И за всем этим стоит недобрый старик с острыми глазами, выглядывающими из-под низких бровей. Я знаю, что Толстому, когда он писал «Войну и мир», не было сорока лет, – в моём восприятии он всё равно старик с насупленными бровями, с раздваивающейся бородой, мудрый и всезнающий.

Его молодые портреты – тот, например, где он, начинающий литератор в офицерском мундире, стоит среди великих: Тургенева, Островского, Гончарова, – его молодые портреты связаны для меня с «Севастопольскими рассказами», с «Детством», «Отрочеством» и «Юностью», а вот «Войну и мир» – не знаю, не понимаю, как мог написать человек ещё не старый, и невольно приписываю, прибавляю ему лет двадцать, если не тридцать.

Уже на этих первых страницах есть вещи непостижимые. Вот, например: «Как хозяин прядильной мастерской, посадив работников по местам, прохаживается по заведению, замечая неподвижность или непривычный, скрипящий, слишком громкий звук веретена, торопливо идёт, сдерживает или пускает его в надлежащий ход, так и Анна Павловна, проха-

живаясь по своей гостиной, подходила к замолкнувшему или слишком много говорившему кружку и одним словом или перемещением опять заводила *равномерную, приличную разговорную машину*». (Курсив мой. – Н. Д.) И дальше: «*Вечер Анны Павловны был пущен. Веретёна со всех сторон равномерно и не умолкая шумели*». (Курсив мой. – Н. Д.)

Каждый раз, когда я это читаю, хочется посмотреть страницу на свет – как это написано и нет ли ещё чего-нибудь за строчкой. Но дальше обнаруживается, что Анна Павловна угощала своих гостей виконтом, «как хороший метрдотель подаёт как нечто сверхъестественно-прекрасное тот кусок говядины, который есть не захочется, если увидеть его в грязной кухне», и что «виконт был подан обществу в самом изящном и выгодном для него свете, *как ростбиф на горячем блюде, посыпанный зеленью*». (Курсив мой. – Н. Д.)

Когда я всё это читаю, мне кажется невозможным, что земной человек мог найти все эти слова про веретёна и кусок мяса; не верится, что Толстой, как все люди, ел, спал, любил своих детей, огорчался их болезням, раздражался, обижался, ссорился из-за мелочей с женой...

В том-то и есть, наверное, величие гения, что он такой, как все, и не такой, как все; что в каждой его строчке скрыта ещё одна глубина – а как найдёшь её, за ней встаёт ещё одна, и следующая, и новая – исчерпать всё невозможно, можно только перечитывать и перечитывать, каждый раз находя новое и новое даже в раздражавших некогда первых страницах

с их французским языком, виконтами и фрейлинами.

2. Князь и княгиня

С той минуты, как князь Андрей Болконский вошёл в гостиную Анны Павловны Шерер, он привлёк моё внимание — чем? Своей непохожестью на остальных. «Ему, видимо, все бывшие в гостиной не только были знакомы, но уж надоели ему так, что и смотреть на них, и слушать их ему было очень скучно». Всем остальным интересно в этой гостиной, потому что здесь, в этих разговорах, сплетнях, восклицаниях, вся их жизнь. И для жены князя Андрея, прелестной маленькой женщины, здесь — вся жизнь. А для князя Андрея?

«Из всех же прискучивших ему лиц лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всех ему надоело. С гримасой, портившей его красивое лицо, он отвернулся от неё». И — через несколько минут, когда она обратилась к нему кокетливым тоном, — снова «зажмурился и отвернулся».

Сухой, надменный, неприятный человек — таким знают его гости Шерер. Таким впервые видим его и мы. Но что-то уже привлекло нас к нему — и хочется понять: неужели князь Болконский всегда, со всеми так сух и неприветлив?

После вечера у Шерер Болконские вернутся в свою богато отделанную квартиру, где всё «носило на себе тот особенный отпечаток новизны, который бывает в хозяйстве молодых супругов». Но и дома князь Андрей не станет ласковее с женой.

«— Твой доктор велит тебе раньше ложиться, — сказал князь Андрей. — Ты бы шла спать».

Когда она вошла в его кабинет, он *учтиво* подвинул ей кресло. Потом, выслушав несколько её фраз, «с холодною *учтивостью*... обратился к жене». И, наконец, добившись, чтобы она ушла, встал и «*учтиво, как у посторонней*», поцеловал руку. (Курсив мой. — Н. Д.)

За что? Почему он так холоден, так внутренне груб с женой — при всей внешней учтивости, трижды замеченной Толстым?

Мы ничего не знаем об истории этого брака, но легко можем представить себе, как всё было. Вечера в светских гостиных и балы в блестящих залах — князь Андрей ездил на них, потому что надо же куда-то ездить и, кроме того, вся жизнь знатного Петербурга проходит здесь; он танцевал с женщинами, потому что на бале нужно танцевать (так он сам скажет позднее), и женился потому, что нужно же когда-нибудь жениться, а девушка была хорошенькая и весёлая, её приподнятая верхняя губка казалась «её особенною, собственно её красотой...» Он женился на прелестной девушке — и она вышла замуж за красивого, богатого и знатного человека; кого винить в том, что этот брак обернулся горечью и страданиями для обоих?

В гостиной Шерер «всем было весело смотреть на эту полную здоровья и живости хорошенькую будущую мать, так легко переносившую своё положение», и мы не сразу пони-

маем, что раздражает князя Андрея. Но дома, войдя в кабинет мужа, княгиня продолжает «тем же кокетливым тоном, каким она обращалась и к посторонним»:

«— Отчего, я часто думаю... отчего Анет не вышла замуж? Как вы все глупы *messieurs*, что на ней не женились...»

Она говорит это своему мужу и двадцатилетнему Пьеру — о сорокалетней Анне Павловне Шерер. Кто из них должен был жениться на Анне Павловне?!

Князю Андрею опостылел этот кокетливый тон, эта лёгкая болтовня, это нежелание задумываться над своими словами — но ведь раньше, совсем недавно ему всё это нравилось!

Как и всякая женщина, маленькая княгиня не может понять, что её очарование уже не производит впечатления.

Она ведь не изменилась, она всегда была такой. Почему же Андрей больше не восхищается ею?

Она по-своему заботится о муже: «Я ему всё говорю: здесь он адъютант у дяди, самое блестящее положение... Он так везде принят. Он очень легко может быть и флигель-адъютантом... Мы с Анет говорили, это очень легко было бы устроить...»

Удивительно: мы, едва знакомые с князем Андреем, видевшие его совсем недолго в гостинной Шерер, уже поняли: этот тон и этот разговор невыносимы для него, глубоко ему отвратительны, — а она, его жена, не понимает этого. Но ведь искренне не понимает и страдает от своего непонимания: «Вдруг сердитое беличье выражение красивого личика кня-

гини заменилось привлекательным и возбуждающим сострадание выражением страха; она исподлобья взглянула своими прекрасными глазками на мужа, и на лице её показалось то робкое и признающее выражение, какое бывает у собаки, быстро, но слабо помахивающей опущенным хвостом».

Легче лёгкого осудить княгиню: глупа, легкомысленна, труслива... Но как случилось, что умный взрослый человек – не мальчик! – женился на ней? Что привлекло его раньше и почему теперь каждый шаг жены раздражает его? Что же ему теперь делать, раз она стала его женой и ждёт ребёнка? Разве это благородно – ежеминутно унижать её учтивой холодностью, нескрываемым раздражением?

Вовсе не просто решить все эти вопросы. Толстой знает: никто не виноват в том, как сложилась жизнь молодой семьи Болконских, – и оба виноваты, и никто не может изменить того, что случилось, потому что отношения двух людей легко разрешимы только со стороны, а изнутри всё сложно.

«Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь – не по мне!»

Так ответил князь Андрей на вопрос, зачем он идёт на войну. «Гостиные, сплетни, балы, тщеславие, ничтожество – вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти. Я теперь отправляюсь на войну, на величайшую войну, какая только бывала, а я ничего не знаю и никуда не гожусь». Вот почему мы прощаем князю Андрею его обращение с женой – потому что видим: он мучается, несчастлив, страдает, судит

себя, потому что жизнь, которую он ведёт, не по нему!

Через несколько недель князь Андрей привезёт жену туда, где он вырос, в тот воздух, который сформировал его. В старом доме Болконских в Лысых Горах столкнутся два мира: в одном из них будут жена князя Андрея и лживая француженка мамзель Бурьен; в другом – старик Болконский и князь Андрей. Сестра его, княжна Марья, попытается примирить эти два мира, но они непримиримы – и душой княжна Марья всё равно останется с отцом и братом.

Вот молодые Болконские входят в дом отца. Маленькая княгиня поспешно идёт к княжне Марье. Андрей с «учтывым и грустным выражением» следует за ней. У самой двери он «остановился и поморщился, как будто ожидая чего-то неприятного». Он знает наперёд, что сейчас будет сцена радостной встречи, хотя его жена и сестра виделись только один раз, во время его свадьбы; знает, что для сестры эта встреча и правда радость в её одинокой, замкнутой жизни, а жена будет так же искусственно весела, как в светских гостиных и его кабинете, потому что естественной он её не видел никогда.

И действительно, после поцелуев и объятий княгиня весело и оживлённо заговорила о петербургских сплетнях, о своих платьях и между всем этим – о том, что Андрей переменялся, покидает её, идёт на войну...

Конечно, она страдает, конечно, боится за Андрея – и ещё больше за себя: пустой и тёмной представляется ей жизнь в

деревне. Но и страдание её выражается в привычной неестественной и даже кокетливой форме. Виновата ли она, что так незначительна по своей человеческой сущности? Вероятно, всё-таки виновата: ведь рядом с ней – князь Андрей, как же ничему, совсем уж ничему у него не научиться? Не хочет она учиться, потому что довольна собой, ослеплена собой, и мысли у неё не может возникнуть, что князь Андрей искал в ней не того, чем восхищаются Ипполит Курагин и Анна Павловна Шерер...

За обедом, в присутствии старого князя, она опять привычно, естественно неестественна: бедняжка привыкла, что её болтовня очаровывает слушателей, где ей понять, какое впечатление она произведёт на старого Болконского, если она и Андрея-то не понимает! Маленький светский ум её не в силах постичь двух крупных людей, с которыми свела её судьба; в этом доме ей кажется родной только насквозь фальшивая мамзель Бурьен.

В том мире, где живёт маленькая княгиня, н у ж н о приходить в восторг от встречи с полужнакомыми людьми и м о ж н о жаловаться им на самого близкого человека – мужа. В мире князя Андрея этого нельзя.

Встреча молодых Болконских с отцом и сестрой князя Андрея происходила почти двести лет назад, но и сегодня нам важно знать, как быть честным в отношениях с близкими, как сохранять своё достоинство. Правила, по которым живёт князь Андрей, возвышенны и благородны: человек не имеет

права опускаться до жалоб на того, кого сам избрал спутником своей жизни. Мир маленькой княгини – узкий и пошлый – не знает этих правил чести.

Князь Андрей откровенен с сестрой, но и ей он не откроет горькой правды:

«– Знай одно, Маша, я ни в чём не могу упрекнуть, не упрекал и никогда не упрекну *мою жену*... (Курсив Толстого. – *Н. Д.*) Но если ты хочешь знать правду... хочешь знать, счастлив ли я? Нет. Счастлива ли она? Нет. Отчего это? Не знаю...»

Мне не жалко маленькую княгиню – ничего не могу с собой поделаться. Меня, как и князя Андрея, раздражает её болтовня, её хорошенькое личико с животным выражением – то беличьим, то собачьим; мне не жалко, когда муж почти выгоняет её из своего кабинета и когда оставляет в Лысых Горах, и позже, когда она умрёт, я больше пожалею его, чем её. Потому не жалко, что очень уж она довольна собой. Всегда, везде довольна собой. Он мучается, казнит себя, думает, ищет – у неё всё решено, всё ясно.

Так с первых глав «Войны и мира» я, читатель, заражаюсь отношением Толстого к его героям. Вместе с ним я презираю людей, которые не ищут, не мучаются, вместе с ним сочувствую тем, кого понимает и любит он.

«Война и мир» начинается для меня с того, как два человека нашли друг друга в толпе гостей Шерер и остались вдвоём в кабинете князя Андрея, и заговорили о своём...

3. Мсье Пьер

Он вошёл в гостиную Анны Павловны Шерер, «массивный, толстый молодой человек с стриженной головой, в очках, светлых панталонах по тогдашней моде, с высоким жабо и в коричневом фраке». И снова: «Этот *толстый* молодой человек был незаконный сын знаменитого екатерининского вельможи, графа Безухова...» (Курсив мой. – Н. Д.)

Толстой бесконечно подчёркивает: «Пьер был несколько больше других мужчин», «большие ноги», «неуклюж», «толстый, выше обыкновенного роста, широкий, с огромными красными руками...» В лице хозяйки дома при виде Пьера «изобразилось беспокойство и страх, подобный тому, который выражается при виде чего-нибудь слишком огромного и несвойственного месту».

Но вот что интересно: «этот страх мог относиться только к тому умному и вместе робкому, наблюдательному и естественному взгляду, отличавшему его от всех в этой гостиной».

Пьеру, воспитанному за границей и впервые попавшему на вечер, где, он знал, «собрана вся интеллигенция Петербурга», – Пьеру не скучно: он ждёт умных разговоров, «у него, как у ребёнка в игрушечной лавке», разбегаются глаза. Пьеру всё внове.

Может быть, семь лет назад в той же гостиной двадцати-

летний князь Андрей Болконский таким же робким, наблюдательным и естественным взглядом смотрел на гостей Шерер. Теперь он знает им цену. Ему двадцать семь, и один Пьер может вызвать дружеские и нежные ноты в его голосе.

«— Вот как!.. И ты в большом свете?» — спросил князь Андрей.

«— Я знал, что вы будете, — отвечал Пьер».

Конечно, он сказал правду — но не всю правду. Не только из-за князя Андрея Пьер приехал к Шерер. Ему интересно — вот что привлекает к нему Андрея и пугает Анну Павловну; ему интересны люди, их разговоры, он думает — не о том, о чём все посетители этой гостиной, — не о своей карьере. Ему интересно.

«— А обо мне что говорить?» — в тот же вечер скажет Пьер князю Андрею. — «Что я такое? Je suis un batard. Я незаконный сын!»

Унизительное и неопределённое положение в свете угнетает Пьера. Кто он: граф Безухов или просто мсье Пьер, даже без фамилии? «Анна Павловна приветствовала его поклоном, относящимся к людям самой низшей иерархии в её салоне». Красавица Элен не замечает его, хотя живёт с ним в одном доме, — Пьер поселился в Петербурге у князя Василия, родственника своего отца. И князь Василий отзывается о нём небрежно: «Образуйте мне этого медведя...»

Один Андрей не заботится о том, граф ли Безухов перед ним или кто другой. Один Андрей любит Пьера такого, ка-

кой он есть...

Поначалу эта дружба удивляет: они же такие разные! И семь лет разницы – много, когда одному из друзей двадцать. Эти семь лет отразились в том «вы», которое говорит Пьер Андрею, и в «ты» Андрея, странном в устах этого сдержанного человека. Где и когда они успели так близко познакомиться?

Скоро мы прочтём в письме сестры князя Андрея, что она знает Пьера с детства. Их отцы – старики Болконский и Безухов – екатерининские вельможи; нет ничего удивительного, что дети могли быть знакомы. Но теперь, когда они стали взрослыми, что объединяет их?

В гостиной Пьер всё время ждёт случая, чтобы ворваться в разговор. Анна Павловна, «караулившая» его, несколько раз успевает его остановить – и всё-таки Пьер прорывается: он объясняет бежавшим от революции и Наполеона французам-эмигрантам, что Наполеон – великий человек и революция – великое дело.

«— Нельзя, mon cher, везде всё говорить, что только думаешь», – заметит ему позже князь Андрей.

Сам он не станет так уж прямо высказывать свои мысли в салоне Шерер. Но и скрывать их князь Андрей не намерен: усмехаясь, «прямо глядя в лицо Анны Павловны», он дважды повторяет слова Наполеона: понимайте, как хотите; да, он идёт воевать против великого полководца, но не станет поносить его вместе с бежавшими из Франции аристократа-

ми; до этого князь Андрей Болконский не унижится.

Разделяет ли он мысли Пьера о том, что «революция была великое дело»? Этого мы не знаем, но одно ясно: князь Андрей уж скорее с Пьером, чем с виконтами, аббатами и фрейлиной Шерер.

Оба они на перепутье, и это объединяет их. Все гости Шерер твёрдо знают, чего хотят, к чему стремятся. А Пьер не знает: вот уже три месяца он живёт в Петербурге и выбирает себе карьеру: «Ну, что ж, ты решился, наконец, на что-нибудь? Кавалергард ты будешь или дипломат? – спросил князь Андрей...

– Можете себе представить, я всё ещё не знаю. Ни то, ни другое мне не нравится».

Ведь и князю Андрею ни то, ни другое не нравится, потому он идёт на войну, потому так раздражён и недоволен светом.

«Пьер считал князя Андрея образцом всех совершенств именно оттого, что князь Андрей в высшей степени соединял все те качества, которых не было у Пьера и которые ближе всего можно выразить понятием – силы воли». Но сам Андрей говорит о себе: «я конченный человек», он искренне убеждён, что жизнь не удалась, мечется, ищет выхода...

А может быть, с этого и начинается человек – с недовольства собой, с поисков и мечтаний?

Я очень люблю Пьера – прекрасного, толстого, неуклюжего Пьера, с его очками и растерянным взглядом, с его силь-

ными добрыми руками, с его приступами бешенства, с его ожиданием счастья и постоянными бедами, но больше всего я люблю в нём его постоянную борьбу с самим собой, и когда он терпит поражения в этой борьбе, они представляются мне залогом будущей победы.

«— Ты везде будешь хорош», — говорит ему князь Андрей, — «но одно: перестань ты ездить к этим Курагиным, вести эту жизнь. Так это не идёт тебе: все эти кутежи, и гусарство, и всё...

— Знаете что! — сказал Пьер, как будто ему пришла неожиданно счастливая мысль, — серьёзно, я давно это думал. С этою жизнью я ничего не могу ни решить, ни обдумать. Голова болит, денег нет. Нынче он меня звал, я не поеду.

— Дай мне честное слово, что ты не будешь ездить?

— Честное слово!»

И вот он выходит белой петербургской ночью на улицу, чувствуя себя душевно очищенным после серьёзного разговора с князем Андреем, и начинает сам с собой спорить, сам себя уговаривать. Это то, что мы все так отлично умеем, особенно в молодости, — доказывать себе: можно и даже нужно делать то, чего делать нельзя, но хочется.

«„Хорошо бы было поехать к Курагину“, — подумал он. Но *тотчас же* он вспомнил данное князю Андрею честное слово не бывать у Курагина.

Но *тотчас же*, как это бывает с людьми, называемыми бесхарактерными, ему так страстно захотелось ещё раз ис-

пытать эту столь знакомую ему беспутную жизнь, что он решился ехать. И *тотчас же* ему пришла в голову мысль, что данное слово ничего не значит, потому что ещё прежде, чем князю Андрею, он дал также князю Анатолю слово быть у него; наконец, он подумал, что все эти честные слова – такие условные вещи, не имеющие никакого определённого смысла, особенно ежели сообразить, что, может быть, завтра же или он умрёт, или случится с ним что-нибудь такое необыкновенное, что не будет уже ни честного, ни бесчестного... Он поехал к Курагину». (Курсив мой. – Н. Д.)

Трудно понять, как далось Толстому это немыслимо полное, глубокое и точное понимание двадцатилетнего человека. Трижды повторённое: «Но тотчас же... Но тотчас же... И тотчас же...», «особенно ежели сообразить, что, может быть, завтра же он умрёт...» Это назойливое «же»: «ежели, может, завтра же...» А за всем этим – Пьер с его ошибками, поисками... И снова, как про князя Андрея, думаешь: главное не в том, чтобы прожить жизнь не ошибаясь. Самое главное – судить и казнить себя, преодолевать себя снова и снова.

Сколько раз читаешь «Войну и мир», столько раз и видишь всех по-разному. Когда-то Наташа с куклой была мне ровесницей, а Наташа на бале – старше, и Пьер в первых главах был взрослый человек, его колебания казались странными, а князь Андрей вообще был далёк, как звезда. Сейчас я вижу в Пьере ровесника своего сына – и потому прежде всего жалею, очень его жалею, и стараюсь понять, зачем ему так уж

надо было к Курагину, и понимаю: очень же интересно, посадив квартального на медведя, пустить его вплавь по Фонтанке, и сержусь: вот бедолага, ведь мог вывалиться из окна вместе с этим безумцем Долоховым, и огорчаюсь: разве можно столько пить вина, зачем не сдержал слова, – и желаю ему добра, и предчувствую: долго ещё добра не будет...

4. От поручика до императора

По синим волнам океана,
Лишь звёзды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несётся,
Несётся на всех парусах.

Есть остров на том океане –
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила.
А в ней император зарыт.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император
Очнувшись, является вдруг;
На нём треугольная шляпа
И серый походный сюртук...

Это написано в 1840 году. Почти через двадцать лет после смерти Наполеона и почти через тридцать лет после разгрома его армии русский поэт Михаил Лермонтов видит Наполеона героем, страдальцем и сочувствует ему:

Несётся он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он...

Наполеон был сослан на остров Святой Елены в 1815 году и умер там 5 мая 1821 года. Но весь длинный девятнадцатый век он продолжал владеть умами и душами молодых людей всей Европы; мы знаем их из литературы: это француз Жюльен Сорель из «Красного и чёрного» Стендаля и русский помещик Онегин (в его кабинете стоял «столбик с куклою чугунной под шляпой, с пасмурным челом, с руками, сжатыми крестом»). И – гораздо позже – нищий студент Родион Раскольников, выстроивший на примере Наполеона свою жестокую философию («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского), и многие, многие люди, жившие на самом деле и созданные фантазией писателей, преклонялись перед Наполеоном, подражали ему, мечтали о подвигах, подобных тем, какие он совершил.

Нет ничего удивительного, что в 1805 году, в разгар возвышения и побед Наполеона, двадцатилетний Пьер бросается защищать его от людей, называющих Наполеона узурпатором, антихристом, выскочкой, убийцей и злодеем, а сдержанный князь Андрей Болконский всё-таки тоже говорит в светском салоне о величии Наполеона.

Попробуем понять, что знали о Наполеоне гости Анны

Павловны Шерер летом 1805 года; почему умный старый князь Болконский встретил сына восклицанием: «А! Воин! Бонапарта завоевать хочешь!», а наивный граф Ростов сказал о сыне и его сверстниках: «Всё Бонапарте всем голову вскружил; все думают, как это он из поручиков попал в императоры...» Чем этот человек вскружил все головы?

К 1789 году, к моменту французской революции, Наполеону Бонапарту было двадцать лет, и он служил поручиком в одном из французских полков.

Настоящая его фамилия итальянская – Буонапарте; так она произносилась на родине Наполеона, острове Корсика. Позднее её стали выговаривать на французский манер – Бонапарт, пока не заменили именем: император Наполеон.

Первую свою победу Наполеон одержал в 1793 году в битве при Тулоне. В этом портовом городе на Средиземном море произошло контрреволюционное восстание, поддержанное английским флотом. Революционная армия осадила Тулон с суши, но взять его долго не могла, пока не появился никому не известный капитан Бонапарт. Он изложил свой план взятия города и выполнил его. Тулон был взят, английский флот отогнан в море.

Может быть, главная победа Наполеона состояла в том, что он убедил начальников осаждающей армии довериться ему. Но как бы то ни было, победа при Тулоне сделала двадцатичетырёхлетнего Бонапарта генералом, и сотни юношей стали мечтать о своём Тулоне – том часе, когда они покажут,

на что способны.

Судьба вовсе не так уж благоволила к Наполеону: до Тулона он восемь лет прослужил в армии неизвестным подпоручиком, потом поручиком, капитаном; едва вознесшись до генерала, он оказался в опале: был казнён покровительствовавший ему брат Робеспьера, и генерал Бонапарт два года слонялся по Парижу без дела и полуголодный, как некогда поручик Бонапарт.

Но в 1795 году, когда произошло восстание реакционных сил против Конвента, о генерале Бонапарте случайно вспомнили. Он был вызван – угрюмый худощавый молодой человек – и с полной бестрепетностью расстрелял из пушек огромную толпу посреди города. Восстание было подавлено. (Эту-то жестокость Наполеона вспоминает в гостиной Шерер бежавший из Франции в Россию виконт Мортемар.)

Теперь генерал Бонапарт уже не был забыт. В 1796 году он возглавил французскую армию, действовавшую в Италии, прошёл со своими войсками по самой опасной дороге через Альпы и за шесть дней разбил итальянскую армию, а после этого разгромил отборные войска австрийцев во главе с лучшими генералами.

В конце 1796 года произошёл бой при Арколе. Французы трижды пытались взять Аркольский мост, но не могли. Тогда главнокомандующий Бонапарт сам бросился на мост со знаменем в руках. За ним ринулись остальные. Мост был взят.

Кстати сказать, то же самое Наполеон сделал на пол года

раньше, при взятии моста в Лоди, но почему-то запомнился, вошёл в историю именно Аркольский мост и маленькая сухая фигурка со знаменем в руках.

В 1797 году вернувшись из Италии в Париж, генерал Бонапарт был встречен несметными толпами: он уже был героем для всей Франции, его боялась вся Европа, и единственный полководец, которого опасался он, великий Суворов, сказал о нём: «Далеко шагает. Пора унять молодца».

Суворову оставалось жить всего три года, и он ещё успел в отсутствие Наполеона отнять у Франции всё, что было завоёвано Наполеоном в Италии, но встретиться на поле боя им уже не было суждено. Наполеон же тем временем добился главной из своих побед: над собственной армией. Его обожали солдаты.

После итальянского похода он отправился в Египет и Сирию, чтобы бороться с главными врагами Франции – англичанами – на территории их колоний. Здесь, в труднейшей войне, он был невероятно жесток (например, взяв в плен четыре тысячи турецких солдат, Наполеон решился, правда, после трёхдневных колебаний, расстрелять всех: у него не было ни пищи для пленников, ни конвоя для них). Но французские солдаты и офицеры только что не молились на него. Когда французскую армию преследовала чума, Наполеон не побоялся навестить своих солдат в чумном госпитале в Яффе, обошёл больных, протягивал им руку. Когда раненых и больных стало очень много, он велел всем идти пешком, а

лошадей отдать больным. Для него оставили лошадь, но Наполеон, взмахнув хлыстом, закричал: «Всем идти пешком! Я первый пойду! Что, вы не знаете приказа? Вон!»

Пока Наполеон воевал в Египте и Сирии, дела во Франции шли неважно. Директория, правившая страной, не умела удержать победы Наполеона. Суворов прогнал французов из Италии, народ голодал, буржуазия мечтала о твёрдой власти, – генерал Бонапарт вернулся из Египта в самое подходящее время, чтобы взять власть в свои руки.

Франция встретила его восторженно. И всё-таки было не так-то просто задушить завоевания французской революции, уничтожить созданные ею законодательные собрания и стать диктатором. Входя в зал Совета пятисот, который он собирался распустить, Наполеон сказал сопровождавшему его генералу: «Помнишь Арколе?» – может быть, ему легче было бежать со знаменем на мост, чем идти на штурм Совета пятисот.

Наполеон победил и здесь. 18–19 брюмера (9–10 ноября) 1799 года он стал властителем Франции. Пять лет он называл себя первым консулом, а в 1804 году стал императором; для коронации в Париж был вызван римский папа Пий VII, давно запуганный Наполеоном, – это было нужно императору, чтобы весь католический мир признал его, но, выхватив корону из рук первосвященника, он надел её на себя сам: таков был символический акт – ничьи руки не могли дать ему корону, кроме его собственных.

Незадолго до коронации он совершил ещё одну жестокость: казнил герцога Энгиенского, принадлежавшего к французскому королевскому роду Бурбонов. Эту-то казнь и припоминают ему в салоне Шерер: «После убийства герцога даже самые пристрастные люди перестали видеть в нём героя», – сказал виконт Мортемар, а Пьер «ворвался в разговор, и Анна Павловна... уже не могла остановить его.

– Казнь герцога Энгиенского, – сказал Пьер, – была государственная необходимость; и я именно вижу величие души в том, что Наполеон не побоялся принять на себя одного ответственность в этом поступке».

Здесь, в этом салоне, о Бонопарте помнят все:

«– А пленные в Африке, которых он убил? – сказала маленькая княгиня. – Это ужасно!

– Нельзя не сознаться, – продолжал князь Андрей, – Наполеон как человек велик на Аркольском мосту, в госпитале в Яффе, где он чумным подаёт руку, но... но есть другие поступки, которые трудно оправдать».

Вот так говорит о Наполеоне, обсуждает и судит Наполеона вся Европа.

Его имя гремит повсюду, а сам он – человек, выдвинутый революцией и уничтоживший её завоевания, – готовится тем временем к новой войне с главным своим врагом – Англией.

В Англии тоже готовятся: во главе английского правительства стал Вильям Питт – он пытался подослать к Наполеону убийц, но это не удалось. Тогда он повёл переговоры с

Россией и Австрией, согласился финансировать их войну с Наполеоном, только бы не дать ему возможности выступить против Англии.

Питту удалось предотвратить высадку французских войск в Англии – русские и австрийские войска, объединившись, двинулись на запад; Наполеону оставалось только идти к ним на встречу.

На эту-то войну с Наполеоном спешит князь Андрей, туда же уходит Николай Ростов и Борис Друбецкой; об этой предстоящей войне говорят в салоне Шерер: «Нашему доброму и чудному государю предстоит величайшая роль в мире, и он исполнит своё призвание задавить гидру революции, которая теперь ещё ужаснее в лице этого убийцы и злодея...»

Для фрейлины Шерер Наполеон – воплощение французской революции и уже потому злодей. Юный, восторженный Пьер не понимает, что, став императором, Наполеон предал дело революции; Пьер защищает и революцию, и Наполеона в равной мере; более трезвый и опытный князь Андрей видит и жестокость Наполеона, и его деспотизм, а отец Андрея, старик Болконский, страдает от того, что нет Суворова, который показал бы этому новоявленному гению, что значит воевать.

Но все они думают о Наполеоне, заняты им – каждый по-своему, и в жизни каждого из них занимает немалое место зловещая и величественная фигура маленького человека в сером сюртуке и треуголке.

5. Два юноши

Прошло два месяца после вечера у Шерер. Уже конец лета – 26 августа по русскому календарю, 8 сентября – по европейскому (по которому и мы живём сегодня). Через семь лет этот день войдёт в историю России как день Бородина. А пока он ничем не знаменит; как на всякий день в году, на него выпадают чьи-то именины.

Толстой переносит нас в Москву, в дом Ростовых. Здесь две именинницы Натальи – мать и дочь. У Ростовых с утра гости, визиты, подготовка к званому обеду. А в другом московском доме умирает отец Пьера граф Безухов...

Пьер, высланный из Петербурга за историю с медведем, одиноко сидит в доме умирающего отца, к которому его не пускают. Теперь о Пьере говорит вся Москва: всех заботит наследство старого графа. «По жене прямой наследник всего имения князь Василий, но Пьера отец очень любил, занимался его воспитанием и писал государю... так что никто не знает... кому достанется это огромное состояние, Пьеру или князю Василию. Сорок тысяч душ и миллионы». Так рассуждает Анна Михайловна Друбецкая – уж она-то знает, недаром так настойчиво напоминает, что старик Безухов ей троюродный дядя, что он крестил Бориса, – Анна Михайловна своего не упустит, хотя бы сам князь Василий стал на её пути.

А Пьер сидит на верхнем этаже громадного безуховского дома, – понимает ли он, что сейчас решается его судьба: остаться ему незаконным сыном без всякого состояния или стать графом и миллионером. О чём он думает, чем занят?

«...Пьер ходил по своей комнате, изредка останавливаясь в углах, делая угрожающие жесты к стене, как будто пронзая невидимого врага шпагой...»

Он воображает себя Наполеоном, он сражается с англичанами и побеждает. В этом доме, где все: князь Василий, три княжны – племянницы старого Безухова и примчавшаяся на наживу Анна Михайловна Друбецкая – все думают об одном: как урвать себе побольше из наследства ещё не умершего старика; в этом доме один Пьер думает о другом; он не умеет жить, сказали бы о нём в свете. Он не умеет жить – это правда. Но он учится – и хочет он жить иначе, чем князь Василий.

Почему он не думает о своём умирающем отце? Оправдать Пьера нетрудно: он мало знал отца, жил в разлуке с ним: последние годы провёл за границей, куда его послали учиться. Всё это так, но есть и другая правда – юношеский эгоизм Пьера. Он слишком погружён в себя, в мысли о своём будущем, чтобы думать о страданиях отца. Пьера занимает один главный вопрос: как жить?

В решении этого вопроса немалую роль играет блистательный пример Наполеона – воображая себя на его месте, Пьер, нахмурившись, произносит: «Англии конец», – в эту-

то минуту в его комнату входит Борис Друбецкой, «высокий белокурый юноша с правильными тонкими чертами спокойного и красивого лица».

Мы только что видели Бориса у Ростовых. Он не растерялся, когда вся молодёжь ростовского дома под водительством Наташи нечаянно залетела в гостиную, где сидит скучная гостья со скучной дочерью, – через семь лет Борис женится на скучной дочери, но сегодня он об этом и не подозревает. Борис не растерялся, случайно попав в гостиную, и спокойно рассказал шутливую историю о Наташиной кукле. Потом он вышел вслед за Наташей из гостиной, и шаги его были «не тихие, не быстрые, приличные шаги» – так никто не ходит в этом доме: ни Наташа, ни Петя, ни Николай, ни даже Соня, только Борис.

Когда Наташа, встав на кадку с цветами, поцеловала его, Борис повёл себя как идеально воспитанный, приличный молодой человек:

«– Да, влюблён, но, пожалуйста, не будем делать того, что сейчас... ещё четыре года... Тогда я буду просить вашей руки».

Он прав – нехорошо молодому офицеру целоваться с тринадцатилетней девочкой. Но всё-таки он неприятен в этом своём непробиваемом благоразумии.

Я не собиралась сейчас писать о Наташе, и не нужно мне сейчас о ней говорить, но не могу удержаться.

«– Навсегда? – сказала девочка. – До самой смерти?»

И, взяв его под руку, она с счастливым лицом тихо пошла с ним рядом в диванную».

Вот так она входит в нашу жизнь, Наташа Ростова, под руку с Борисом – навсегда! До самой смерти! – а впереди столько горя, и счастье, и Андрей, и война, и Анатоль – ужасно, но будет Анатоль, – и ночь в Мытищах, и Пьер, и дети... Всё, всё в её жизни будет не так, как представляется в тринадцать лет, но «жалок тот, кто всё предвидит», – и отвратительным кажется Борис, который уже в юности слишком хорошо знает цену благоразумию.

Может быть, самое неприятное в Борисе – то, что он отлично понимает, зачем его маменька хочет ехать к графу Безухову, и понимая, поторапливает её: ещё в гостинной, до объяснения с Наташей, он напомнил:

«Вы кажется ... хотели ехать, тамап? Карета нужна?»

О нет, он не таков, как его мать Анна Михайловна. Он умнее. Та в простоте, в слепом материнском инстинкте, готова «хоть два, хоть три раза, хоть четыре» мчаться на извозчике к «тузам», к министрам, просить, унижаться, обманывать... Он не таков. Даже князь Василий «пристально поглядел на него», услышав, как Борис, «не выказывая ни досады за резкий тон князя, ни желания вступить в разговор, но... спокойно и почтительно» отвечал ему. Кто знает, о чём подумал князь Василий в эту минуту? Может быть, чутьё опытного светского человека подсказало ему, что Борис Друбецкой далеко пойдёт?

Когда, как он всему этому научился? В доме Ростовых, где «с детства воспитывался и годами жывал»? Да, как ни странно, именно в доме Ростовых. Борис вызывает у меня отвращение, но это не значит, что в его жизни всё просто и понятно. Наоборот, очень непросто.

Богатые Ростовы взяли на воспитание племянницу Со-ню. Кроме того, у них постоянно живёт Борис, сын бедной родственницы. Доброта старых Ростовых скрашивает унизи-тельность положения Бориса и Сони, а молодые просто лю-бят их, поэтому Соня долгие годы не задумывается над тем, что она «благодетельствованная»; когда же поняла это, она пожертвовала для благополучия дома Ростовых своим сча-стьем. Борис, вероятно, с детства чувствовал горечь от то-го, что он и мать бедны, вынуждены жить на чужой счёт. Ещё мальчиком он готовил себя к тому, чтобы добиться, вы-биться, прорваться к деньгам и карьере. Его не унижали, но он чувствовал себя униженным. В трудном положении ему оставалось одно: сохранять спокойствие и выдержку, терпеть унижительные хлопоты матери и мечтать о том часе, когда он будет покровительственно смотреть на тех, кто сейчас ему покровительствует. Он горд по-своему, но его гордость по-рождена самолюбием и эгоизмом.

Вот он поднимается по лестнице в комнату Пьера. Этот первый разговор между ними сыграет очень важную роль в жизни Бориса, поможет ему выдвинуться; первыми шагами своей карьеры, он, в конечном итоге, будет обязан Пьеру и

этой первой встрече, – думает он сейчас обо всём этом, рассчитывает своё поведение? Вероятно, нет. Кто такой Пьер, чтобы специально обдумывать своё с ним поведение! Борис естествен, искренен – и это самое удивительное.

Вы помните, чем был занят Пьер? «Он не успел договорить приговора Питту, воображая себя в эту минуту самим Наполеоном... как увидел входившего к нему молодого, стройного и красивого офицера. Он остановился. Пьер оставил Бориса четырнадцатилетним мальчиком и решительно не помнил его; но, несмотря на то, со свойственной ему быструю и радушною манерой взял его за руку и дружелюбно улыбнулся».

Таков Пьер. Конечно, он всё перепутал: услышав о графе Ростове, радостно «вспомнил» Бориса: «Так вы его сын, Илья...» Мы уже знаем, что Ильёй зовут отца Ростова, а сына – Николаем.

Пьер смущён – сначала оттого, что не может вспомнить молодого человека, затем от путаницы. Он «замахал руками и головой, как будто комары или пчёлы напали на него».

Борис не испытывает ни малейшего смущения, не торопится называть себя, говорит спокойно, смело и несколько насмешливо – Пьер ведь не князь Василий, здесь не нужна почтительность.

В удивительном разговоре, который сейчас произойдёт, весь характер Пьера – ему неловко за Бориса, он боится «за своего собеседника, как бы он не сказал чего-нибудь такого,

в чём стал бы раскаиваться». Но Борис идёт напролом. Он говорит «отчётливо, ясно и сухо, прямо глядя в глаза Пьеру:

– ...Москва занята сплетнями больше всего... Теперь говорят про вас и про графа.

– ...Все заняты тем, кому оставит граф своё состояние...

– ...А вам должно казаться... что все заняты только тем, чтобы получить что-нибудь от богача.

„Так и есть“, – подумал Пьер.

– А я именно хочу сказать вам... что вы очень ошибаетесь, ежели причтёте меня и мою мать к числу этих людей. Мы очень бедны, но я, по крайней мере, за себя говорю: именно потому, что отец ваш богат, я не считают себя его родственником, и ни я, ни мать никогда ничего не будет просить и не примем от него».

Бедный Пьер! Он «долго не мог понять, но когда понял, вскочил с дивана... и, раскрасневшись гораздо более, чем Борис, начал говорить с смешанным чувством стыда и досады:

– Вот это странно! Я разве... да и кто ж мог думать... Я очень знаю...»

Зачем Борис говорит всё это? Разве он не знает, что в это самое время его мать там, внизу, унижениями и дотошностью вотрётся в дом старого графа, оттеснит князя Василия и любыми средствами достигнет своей цели: урвать что-нибудь для Бориса. Знает. Но не надо думать, что он лжёт Пьеру. Он хочет, чтобы было так, как он говорит, и в эту минуту

даже верит, что так оно и есть. Его гордость, его самолюбие наконец-то удовлетворены: он сказал те слова, которые хотел бы произнести при матери, при князе Василии, при Ростовых, — но там нельзя, он достаточно разумен, чтобы понимать это, а здесь можно и нужно. И в то же время он понимает, что только этим гордым и независимым заявлением можно завоевать расположение Пьера, а Пьер, как ни говори, вдруг ещё будет графом Безуховым...

Так оно и вышло: много позже, уже в 3-й части I тома, мы узнаем, что «Борис во время похода сделал много знакомств с людьми, которые могли быть ему полезными, и *через рекомендательное письмо, привезённое им от Пьера, познакомился с Андреем Болконским, через которого он надеялся получить место в штабе главнокомандующего*». (Курсив мой. — Н. Д.)

И получит! Он всё получит, что захочет, он и князю Андрею сумеет полюбиться. Накануне Аустерлица он приедет в штаб Кутузова и вот что там произойдёт:

«Борис в эту минуту уже ясно понял... что в армии, кроме той субординации и дисциплины, которая была написана в уставе... была другая, более существенная субординация, та, которая заставляла этого зятя с багровым лицом генерала почтительно дожидаться, в то время как капитан князь Андрей для своего удовольствия находил более удобным разговаривать с прапорщиком Друбецким. Больше чем когда-нибудь Борис решил служить впредь не по той пи-

санной в уставе, а по этой неписаной субординации. *Он теперь чувствовал, что только вследствие того, что он был рекомендован князю Андрею, он уже стал сразу выше генерала...*» (Курсив мой. – Н. Д.)

Вот каков был результат разговора Бориса с Пьером в отдалённой комнате громадного дома графа Безухова. То, чего не могла добиться унижениями и настойчивостью Анна Михайловна Друбецкая, было достигнуто её сыном легко, без труда, без унижений – наоборот, он даже удовлетворил свою гордость. Очень спокойный и очень благоразумный молодой человек, хорошо знающий, где что сказать, – таким он пройдёт через весь роман: таким подслушает разговор царя о переходе Наполеона через Неман и первым узнает о начале войны, и сумеет извлечь из этого выгоду; таким сунется под руку к Кутузову перед Бородиным – с уместным восхищением ополченцами, которые приготовились к смерти и поэтому надели белые рубахи; таким он будет в гостиной Жюли Курагиной: преодолевая отвращение, он скажет ей все любовные слова, каких она захочет, потому что её миллионы, леса и поместья дороже слов; и в будуаре Элен он будет таким же – Элен, со своими связями, продвинет его карьеру, – и только один человек на белом свете вырвет его на время из благоразумия и спокойствия – это Наташа; но и Наташу он отодвинет в сторону – не жениться же на бесприданнице, ведь Ростовы к тому времени разорятся...

Что же, Борис – плохой человек? В том-то и дело, что ни

разу он не совершит ничего непорядочного в прямом смысле слова. И тем не менее здесь, в верхнем этаже старого дома графов Безуховых, сошлись сейчас два юноши, воплощающие два мира: честный и бесчестный.

Перед каждым из юношей – длинная жизнь, полная событий, и не раз их пути перекрестятся. Путь Пьера будет полон ошибок, заблуждений и разочарований, но всегда Пьер будет искать истину, добро и справедливость. Борису всё это не нужно – он будет искать карьеры, положения, денег, и всё это он найдёт.

Но ведь это он же был, он – тот, с кем тоненькая девочка с счастливым лицом пошла в диванную! Только это он потеряет: простое, естественное счастье, способность любить и быть любимым; останутся у него чины, поместья, ордена, а человека не будет.

6. Две девушки

Старый граф Безухов умер. Князь Василий не успел уничтожить его завещание в пользу Пьера и взять всё наследство Безухова себе.

Пьер ничего не понял в истории с завещанием – он думал о другом. В этом состоянии непонимания Толстой оставляет его и переносит нас в дом другого екатерининского вельможи, последнего, оставшегося в живых, – генерал-аншефа князя Николая Андреевича Болконского.

О судьбе Пьера мы узнаем в этом доме – из письма, написанного Жюли Курагиной, той самой гостьей-барышней, что приезжала к Ростовым в день именин. Жюли горюет, провожая на войну своих братьев, и пишет об этом подруге – княжне Марье Болконской, а старый князь Николай Андреевич, вручая дочери письмо, предупреждает:

«— Ещё два письма пропущу, а третье прочту... боюсь, много вздору пишете. Третье прочту».

И письмо Жюли, и ответ княжны Марьи написаны по-французски, поэтому, не углубляясь в перевод, мы как-то проскальзываем мимо, а жаль – так ясно видны в этих письмах обе девушки: искренне неискренняя Жюли, каждое слово которой как будто продиктовано Анной Павловной Шерер и проверено княгиней Друбецкой, и чистая, умная, естественная в каждом слове княжна Марья.

«Милый и бесценный друг, какая страшная и ужасная вещь разлука! Сколько ни твержу себе, что половина моего существования и моего счастья в вас, что... сердца наши соединены неразрывными узами... я не могу подавить некоторую скрытую грусть, которую испытываю в глубине сердца со времени нашей разлуки. Отчего мы не вместе, как в прошлое лето, в вашем большом кабинете, на голубом диване, на диване „признаний“?»

Так начинается своё письмо Жюли – и невольно вспоминаются слова старого князя: «боюсь, много вздору пишете...» Мы ведь видели Жюли, видели её кокетство, её улыбки, и никакой грусти в ней не было заметно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.